

14 ЯНВАРЯ 1853 года. Москва. Большой театр.

Актриса Любовь Павловна Косицкая справляет именины — в свой бенефис играет Дуню в пьесе А. Н. Островского «Не в свои сани не садись».

Ко времени своего бенефиса Любовь Косицкая уже успела завоевать сцену Большого и Малого театров, выступая в водевилях, дивертисментах, мелодрамах.

Она была как бы создана для самого многочисленного, как теперь говорят, массового зрителя, обычно заполнявшего раек.

Круглолицая, с румянцем во всю щеку, большими светлыми глазами, улыбаясь, она легко переходила от слез к смеху.

Очень скоро актриса стала любимицей московской театральной публики, превзошла успех Надежды Репиной, Львовы-Синацкой, Орловой, блиставших еще так недавно на здешней сцене.

Островский, поначалу лишь свидетель ее громкого успеха, увидел, угадал в ней талант куда более глубокий, чем тот, что необходим для исполнения ролей с преобладанием преимущественно внешнего рисунка, когда нужно только умение спеть, сплясать, кокетливо повернуться, звучно рассмеяться или картинно разрыдаться.

Чисто русский тип Косицкой, естественность ее поведения на сцене, как и в жизни, во всем проявляющаяся эмоциональность, искренность — все это было, по-видимому, чрезвычайно близко героиням Островского, какими он их видел.

И не удивительно, что роль Дуня, нежной, бесхитростной, доверчивой девушки, влюбляющейся в пошлого светского хлыща, драматург предложил именно ей.

Нужна была героиня, умеющая жить чувством, любовью, ею и оказалась Косицкая. Поэтому сразу же игра ее, такая искренняя, идущая от сердца, органичная, буквально заворожала зрителей.

Спектакль в этот день шел впервые, и трудно сказать, кто же волновался больше — бенефициантка или автор.

Знавший ко времени создания спектакля актрису уже довольно хорошо, драматург понимал, что никто другой лучше нее не войдет в роль этой простой, застенчивой девушки, способной полюбить беззаветно, безоглядно.

С одной реплики, произнесенной с какой-то своей, неповторимой, верной интонацией, Косицкая «зацепляла» зрителя, и он начинал любить ее, как говорится, с первого взгляда.

Гладко причесанная, с косой, в непривычном простом ситцевом платье (обычно бенефициантки независимо от ролей выходили в платьях шелковых или кисейных), такая простая, милая, такая своя, доступная, а говорит — сразу за сердце хватает.

Раек неистовствовал. Впрочем, не только раек — спектакль приняли очень многие и притом весьма строгие ценители.

Даже Боткин, не поддававшийся на шумный успех, обычно называвший свое, особое мнение, и тот писал после спектакля Тургеневу: «...В пьесе необыкновенно много глубокомыслия и благодушия: растроганность, которую она производит — имеет самый высокий человеческий смысл: она облагораживает сердце. Комическая сторона так удачно соединена с великодушной сущностью...»

«Это представление вовсе не похоже на обыкновенное представление: как что-то будто в действительности происходившее пронеслось оно перед нами, оставив нас в полном очаровании», — высказался один из близких друзей Островского Третий Филиппов.

Конечно, не одна Любовь Павловна Косицкая вызвала восторг театралов в новом творе-

ЛЮБОВЬ КОСИЦКАЯ

нии еще молодого тогда, но уже достаточно известного драматурга... Ей прекрасно соответствовали в спектакле Садовский, Васильев, Шумский.

После такого взлета актриса продолжает участвовать в прежнем репертуаре: играет роль Луизы в трагедии Шиллера «Коварство и любовь», Марию в «Материнском благословении» — лучшая ее роль до «Саней» Островского.

Однажды, после очередного представления «Материнского благословения», рецензент писал: «Придет время, когда публика будет взыскательна, когда она будет желать не одного чувства, а умной отчетливой игры, умения создавать характер и выдерживать его от начала и до конца».

И вот пришло это время, появились «Сани», и Косицкая создала свою драматическую роль, которую выдержала «от начала и до конца».

Но это было лишь началом ее восхождения к подлинным высотам актерского мастерства. Вершина была еще пока в далекой дымке, она лишь угадывалась интуитивно, по силе воздействия актрисы на зрительный зал.

Казалось, Любовь Косицкая таила в себе какие-то неосознанные силы, секреты, благодаря которым ей удавалось воссоздавать на сцене по-настоящему искреннее, глубокое переживание своих героев. Либо жизнь ее была ярка чувствами, сложными духовными переживаниями и на сцене она изливала во многом свое выстраданное, наболевшее?

Прошло несколько лет, слава ее не убывала, но и не возматывалась: впереди еще открывалась дистанция немалая, было куда стремиться.

Порой Косицкую называли «Мочаловым в юбке» — так же неожиданно случались вдруг ее озарения и так велики были силы ее перевоплощения, но, к сожалению, прикладывать эти силы ей выпадало не слишком часто.

Но вот наступает год 1859-й, год, когда Александр Николаевич Островский создавал свою знаменитую «Грозу».

Роль Катерины он предложил сыграть Косицкой. Видимо, он и писал свою героиню, с самого начала желая увидеть ее только в исполнении Любови Павловны: письма их друг другу, воспоминания современников дают возможность утверждать, что это было именно так.

Премьера состоялась 16 ноября 1859 года. Причем успех спектакля был явно неожиданным, недаром перед его началом были показаны «Сцена из светской жизни» и балетный дивертисмент.

Но потом, когда шла пьеса, в зале установилась та напряженная тишина, которая куда более выразительна, чем громкие аплодисменты.

Косицкая — Катерина очень скоро своей жизнью на сцене заставила москвичей забыть, что они в театре. Так передавать любовь Катерины к Борису, без которой она уже дышать не мо-

жет представить себе на сцене в роли Катерины. Так и видишь, ощущаешь естественность ее поведения на сцене, темперамент, глубину переживаний, выразительность лица, всей фигуры; она как бы жила и была движима лишь чувством — глубоким, искренним. И понимаешь, что постигла она свою Катерину сердцем. Ей сродни были подспудные мотивы поступков героини, неприятие ею душевной атмосферы царства Кабанихи, где нет места любви, а значит, и жизни.

Можно поверить, прочтя письма Косицкой, что она душой срослась со своей героиней, поэтому так доходила до сердца ее игра, и потрясенные зрители не хотели мириться с гибелью Катерины и, желая убедиться, что она жива, еще и еще раз вызвали аплодисментами Косицкую на сцену.

правды относительно Вас и очень много горечи относительно меня, я не могу быть тем, чем Вы предполагаете. Я не могу, как и прежде, связаться с кем бы то ни было, и могу любить человека, который будет мне по сердцу, кто б ни был он, я не ребенок. Вы знаете, я не брошу моей чести зря и не отдам моей любви, не убедившись в ней...

Драматург угадал раньше эту ее глубокую правдивость, неспособность ни на йоту кривить душой, когда писал свою героиню, а уже позднее имел возможность сполна убедиться в этом на собственном горьком повороте судьбы.

Так жизнь переплелась с искусством, с театром. И, кто знает, не будь этой встречи, может быть, и не состоялась бы в полной мере творческая судьба актрисы Любови Павловны Косицкой.

Роль Катерины дала выход неведомым ей самой глубинным возможностям таланта. А увидеть, ощутить эти возможности дано только избранным натурам, каким, на счастье Любови Павловны, и оказался на ее жизненном пути Александр Николаевич Островский.

Наверное, благотворное влияние было взаимным. И сам драматург, постоянно черпавший из жизни материал для создания своих драматургических образов, понял суть этой женщины, главную, что ли, струну ее души, проявил немало и для себя в своей литературной героине.

Испытывая к Александру Николаевичу чувство глубокого уважения за его талант, будучи благодарной ему за все, что он для нее сделал, за свой настоящий успех наконец, она тем не менее не нашла в себе сил побороть свое сердце.

А ведь будь она чуть более честолюбива, будь у нее сильнее выражена тяга к славе, она не оттолкнула бы его, не прошла бы мимо такого чувства.

Жизнь как бы мстила Косицкой за это: тот, кого она было предпочла Островскому, купеческий сынок, поначалу ховивший на все спектакли с ее участием и посылавший ей огромные корзины с цветами, оказался по сути тем же Вихоревым или Паратовым. Он был красив, молод, тратил на нее много денег — в общем, из тех персонажей Островского, которые, завоевав женщину, быстро теряют к ней интерес, а потом оказываются, что чувств за душой у них совсем немного...

Так на глазах у самого драматурга разыгралась трагикомедия, которая вполне годилась для его новой пьесы, если бы она не ранила его слишком больно.

А Косицкая, даже поняв, что ошиблась в своем избраннике, не попыталась вернуть любви Островского, который, вероятно, простил бы ей все. Но она считала, что это нечестно — то есть, как и раньше, оставалась верна себе.

Она писала ему: «Я горжусь любовью Вашей, но должна потерять ее, потому что не могу платить Вам тем же, но потерять дружбу Вашу, вот что тяжело для меня, не лишайте меня этого приятного и дорогого для меня чувства, если можете...»

И позднее Любовь Павловна так и не нашла, так и не встретила того единственного, кого бы смогла полюбить со всей страстью, на какую была способна, — как ее Катерина.

И играть уже так на сцене, как бывало в первых спектаклях «Грозы» в присутствии самого автора, она не могла, звездный час ее миновал.

Умерла Любовь Павловна Косицкая довольно рано, до конца своей жизни оставаясь благодарной судьбе за встречу с великим драматургом и учителем Александром Николаевичем Островским.